

Хорева Л. Г. Малая проза Ю. Мамлеева : традиция или антитрадиция / Л. Г. Хорева // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 246—256. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-246-256.

Khoreva, L. G. (2018). Small Prose of Y. Mamleev: Tradition or Anti-tradition. *Nauchnyy dialog*, 12: 246-256. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-246-256. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Мамлеев.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-246-256

Малая проза Ю. Мамлеева: традиция или антитрадиция

© Хорева Лариса Георгиевна (2018), orcid.org/0000-0002-3858-3091, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии историко-филологического факультета Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), novella2000@mail.ru.

Рассматриваются особенности интерпретации философских вопросов, традиционных мотивов и сюжетов в малой прозе Ю. Мамлеева. Актуальность исследования обусловлена появлением большого количества исследований, посвященных Ю. Мамлееву, но недостаточным анализом природы традиционных и / или антитрадиционных аспектов в прозе писателя. Предлагается обзор понятий «культурная традиция» и «культурная антитрадиция» в работах отечественных и зарубежных исследователей. Автор рассматривает понятия «контртрадиция» и «антитрадиция», приводит определения культурологов, приходит к выводу о едином генезисе традиции и антитрадиции, в отличие от традиции и контртрадиции. В обращении к подобному материалу заключается новизна исследования. Автор приходит к выводу о том, что творчество Мамлеева, несмотря на заявленную им новую трактовку русской идеи, продолжает традиции Гоголя и Достоевского. Показано, что вопросы, поставленные Мамлеевым, и пути их решения, а также представленные интерпретации философских систем следует рассматривать в русле принципов антитрадиции, создающей свой мир, отличный от традиционного, который пробуждает в читателе новые чувства и эмоции, но поднимает и решает те же самые вопросы, которые были поставлены еще Гоголем и Достоевским.

Ключевые слова: малая проза; Мамлеев; Достоевский; Гоголь; традиция; антитрадиция.

1. Введение

Творчество Ю. Мамлеева несколько десятилетий является предметом острых дискуссий. Исследователь его метода Р. Семькина пишет о том, что Ю. Мамлеев в 60-е годы XX столетия сознательно противопостав-

ляет себя классической русской литературе, выводя на авансцену своих произведений странных персонажей: алкоголиков, убийц, маньяков, психопатов, проституток, — обнажая таким образом часть общества, находящуюся в тени. Но именно в этой маргинальной среде, представленной в произведениях писателя, рождаются философские вопросы о предназначении человека, о бессмертии души, что дает основание считать Мамлеева одним из первых русских метафизиков, задавших новый вектор философии на определенном историческом витке развития общества, ломающих традиционные каноны русской культуры и литературы. Однако обвинения в том, что он уничтожает краеугольные камни отечественной литературы, не соответствуют действительности, поскольку в работах ряда критиков понимание традиции представлено слишком узко и часто не охватывает всех сторон этого понятия. То же самое касается понятия «антитрадиция», которое часто трактуется как противоположное «традиции». Для того, чтобы понять, как проявляют себя традиция и антитрадиция в творчестве Мамлеева, необходимо рассмотреть эти понятия более подробно.

2. Понятие культурной традиции

Понятие культурной традиции очень часто используется в работах, основывающихся на самых разных философских, психологических, социологических и др. концептуальных идеях. Как указывал в своих работах итальянский ученый и писатель У. Эко, культурная традиция настолько плотно аккумулирована в массовом сознании в сочетании подчас с диаметрально противоположными значениями, что на сегодняшний день полностью утратила свое семантическое значение как таковое [Эко, 2006].

Что такое традиция и зачем она нужна, люди стали задумываться очень давно. Ф. Бэкон, сравнивая культурные традиции с кораблями, соединяющими целые континенты и эпохи, советует своим читателям не пренебрегать тем, что установлено предыдущими поколениями, но брать оттуда только необходимое и не пренебрегать новыми веяниями в угоду старым предрассудкам [Бэкон, 1971]. Г. Гегель же, рассматривая традицию как философскую категорию, отдельно подчеркивал ее живую природу, указывая, что каждое новое поколение должно привносить в существующие традиции новую кровь и новые символы [Гегель, 1935].

Российский социолог и политолог Ю. Левада дает следующее определение традиции: «Это механизм воспроизводства социальных институтов и норм. Поддержание последних обеспечивается фактом их существования в прошлом» [Левада, 1999, с. 78].

Немецкий философ Х.-Г. Гадамер в работе «Актуальность прекрасного» пишет, что культурная традиция — это стержень, который призван поддержать социально-историческую систему данного общества; традиции держат социальные системы, задавая определенный вектор развития, поэтому задача любой культурной традиции — противостоять дестабилизирующей ситуации, не дать развалиться устоявшееся положение вещей [Гадамер, 1991, с. 41]. У Гадамера, таким образом, понятие традиции семантически частично совпадает с понятием закона. Мы полагаем, что это любопытное наблюдение, поскольку большинство западных культурологов стараются не сводить воедино два этих понятия, полагая, что они имеют совершенно разный генезис.

Польский ученый Ежи Шацкий, исследуя понятие традиции, выделяет три значимых аспекта ее существования: передачу из поколения в поколение определенных ценностных характеристик, присущих данному этносу; выборочный интерес поколения к тем или иным ее моментам (ряд моментов каждой традиции живет длительное время, на протяжении ряда поколений, другие традиции исчезают за несколько лет); отношение данного поколения к прошлому, безоговорочное принятие его традиций или их отрицание [Шацкий, 1990, с. 285].

На последних двух аспектах, выделенных Шацким, также акцентирует свое внимание Э. Маркарян в работе «Узловые проблемы теории культурной традиции», где он, подчеркивает, что традиция — это некий групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии воспроизводится в коллективе в тех или иных аспектах; и уточняет, что традиция — это по сути смена стереотипов поведения людей, принадлежащих к данному конкретному этносу [Маркарян, 1981, с. 60—88].

В. Плахов видит в традиции систему общественных отношений, при этом главными характеристиками любой традиции, по мнению исследователя, являются ее повторяемость и массовость; как только эти атрибуты исчезают или резко снижаются, традиция исчезает как традиция и переходит в разряд символов [Плахов, 1982].

На сегодняшний день культурологи, используя термин *культурная традиция*, больше говорят не о сохранении, а о воссоздании традиции, подчеркивая полную или частичную декомпозицию этого понятия и забвение существовавших культурных кодов и символов. Как указывает В. Библер, ряд художников способны интуитивно уловить отдельные элементы того, что раньше было традиционной культурой данного конкретного общества, но большинство работают вне этой сферы, что объясняет полное отсутствие интереса к той или иной работе у массового зрителя, привыкшего

в своем сознании (или подсознании) соотносить любое конкретное проявление творческого начала с тем или иным культурным аспектом [Библер, 1989, с. 31—42].

Х.-Г. Гадамер, развивая мысль о важности изучения национальных традиций, указывает, что традиции определяют, по сути, мир, в котором живет данное общество, именно традиции определяют законы поведения и реагирования на те или иные поступки и действия его членов; но люди в большинстве своем забывают о константах и больше обращают внимание на временные модели поведения, которые обычно бесследно исчезают в течение жизни одного поколения [Гадамер, 1988].

Наряду с несомненной ценностью культурной традиции и ее ролью в формировании национального менталитета нельзя не отметить и обратную сторону медали: традиция может стать препятствием на пути инноваций, как материального, так и культурно-духовного плана.

3. Понятие антитрадиции

То, что традиция неизменно связана с прошлым, что она предполагает соотносительность сегодняшнего настоящего и моделей прошлого, давно сложившегося менталитета, поведения, вызывает подчас полярное отношение к традиции как таковой. Ряд представителей творческой интеллигенции (писатели, художники, кинематографисты) сознательно высмеивают принятые догматы мышления и поведения, эпатируя публику своими высказываниями, нарушающими общепринятые нормы. Под высказываниями (в самом широком смысле слова) мы понимаем продукты их творческой деятельности: произведения художественной литературы, фильмы, картины и др. Такой тип культуры принято называть контр-традицией (термин Х.-Г. Гадамера [Гадамер, 1988, с. 58]), другие (например, П. Буслаев [Буслаев, 2006]) противопоставляют ее традиции как таковой, предлагая считать контр-традицией организованную совокупность имитаций устоявшихся символов традиции.

Однако мы более склонны рассматривать контр-традицию как часть самой традиции, руководствуясь тем, что контр-традиция заимствует устоявшиеся в традиции приемы и методы, создавая при их помощи свой мир, отличный от традиционного, но по факту воздействующий на те же ментальные центры нашего восприятия, что и мир устоявшихся символов. В связи с этим мы предлагаем для данного типа традиции воспользоваться не приставкой *контр-*, а приставкой *анти-*, поскольку последняя означает не только 'против', но и в некотором смысле 'вместе'. В качестве обоснования нашего мнения мы можем предложить рассмотреть существующую

на сегодня ситуацию с маркетинговыми исследованиями и рекламой, которые, используя традиционную систему ценностей, создают новую систему координат современного человека. Так, П. Буслаев пишет, что задачи современного бренд-менеджера, который должен любой ценой удержать внимание потребителя, схожи с задачами священников. Сегодня обычный человек, в воскресный день посещая супермаркет ИКЕА вместо церкви, решает, по сути, те же психотерапевтические задачи [Буслаев, 2006].

Контр-традиция, или, как мы условились ее называть, антитрадиция, многообразна в проявлении своих форм. Например, сюда же можно отнести священный культ Ленина в период социализма, чьи портреты висели на месте прежних икон, неоязычество национал-социализма. Сегодня идет мощная перекодировка человеческого сознания с использованием опять-таки исконно принятых символов традиционной культуры: никого уже не удивляет появление библейских изречений «Вознесись над суетой» на двери казино, «Да будет свет» — на дверях магазина светильников.

Антитрадиция создает собственный вектор воздействия, используя традиционную систему ценностей, она пробуждает в человеке новые чувства и новые эмоции.

Суммируя упомянутые выше исследования, посвященные традициям, мы также можем сделать вывод, что появление контртрадиции или анти-традиции знаменует появление новых культурно-исторических условий, в рамках которых повторение и сохранение прежних традиций становится невозможным. Традиция теряет свой первоначальный смысл и культурную значимость и уходит в небытие. Тем не менее бесследно она не исчезает, поскольку любое событие, происходящее в рамках каждого социума, приобретает свой смысл и / или оценку только в сопоставлении как с культурными позициями сегодняшнего дня, так и с позициями прошлого.

Здесь необходимо вспомнить о литературных теориях отечественных исследователей Ю. Тынянова и М. Бахтина, которые предложили свои теории нового механизма смыслообразования, опираясь на теории традиции.

Ю. Тынянов разработал теорию пародии, которую также напрямую соотносил с традицией. При этом различал два вида пародируемого текста — стилизацию под традицию и пародию на традицию как таковую [Тынянов, 1921].

Взгляды М. Бахтина на концепцию диалога ярко проявились в его исследованиях творчества и поэтики Ф. М. Достоевского. Диалог в принципе невозможен без существования традиции и антитрадиции. М. Бахтин убедительно доказывает, что в романах русского писателя диалог традиционных и антитрадиционных мнений становится настоящим событием и вы-

ступает как изначально фундаментальная экзистенциальная категория; при этом он порождает полифонию текста — его многоголосие, увязывает воедино все смыслы произведения, порождает в свою очередь карнавальные перевертыши [Бахтин, 2015]. Подобный диалог становится визитной карточкой и для творчества Ю. Мамлеева.

4. Традиции Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского в прозе Ю. Мамлеева

В. Заманская, рассуждая о русской литературе XX столетия, пишет, что она представляла собой систему доминант и типов сознания (экзистенциального, диалогического, мифологического, религиозного и т. д.): экзистенциальная доминанта выразилась в осознании краха культуры; кризисное сознание сломало поэтику, расплыло классические идеалы, произвело переоценку всех ценностей; Бог перестал быть сдерживающим фактором, человек остался наедине с метафизикой бытия, глубинами своей души и одиночеством [Заманская, 2002]. Перепутье между собственным бессилием и одновременно собственным могуществом в свете отсутствия высшей силы одурманивало человека XX столетия и неизбежно вело к агрессии, аутоагрессии, всеобщему разрушению [Там же].

Ю. Мамлеев, писатель и философ, не остается в стороне от экзистенциальных вопросов своего столетия. Его творчество на протяжении последних десятилетий становится предметом острых дискуссий и диаметрально противоположных оценок. Среди эпитетов, которыми щедро награждала Ю. Мамлеева критика, были одновременно «мастер туалетной литературы» и «мэтр металитературы».

Относительно Ю. Мамлеева у читающей публики сложилось убеждение, что он отступил от канонов классической русской литературы. В своих произведениях он создал особый мир, наполненный мистикой, эзотерикой, убийцами, самоубийцами, маргиналами. Фанстасмагория и сюрреалистические сюжеты мамлеевской прозы способствовали атрибуции последней как метафизической практики, особняком стоящей в русской литературе. Но так ли это? Действительно ли Ю. Мамлеев открыл новую страницу в отечественной литературе? Почему его все чаще называют новым Достоевским [Семькина, 2005]? Последний вопрос стал темой многочисленных литературных исследований, проводящих параллели между инвариантами мотивов в текстах обоих писателей, несмотря на их внешнюю непохожесть. Особенно ярко типологически сходные мотивы видны в малой прозе Ю. Мамлеева.

Объясняя в одном из своих интервью собственную приверженность к маргинальным персонажам, рассуждающим о Вечности и бесконечности

Бытия, о Божественном присутствии и пути к Богу, Ю. Мамлеев говорит о том, что это состояние является необходимой частью катарсиса на пути к божественному смыслу и просветлению [Мамлеев, 2014]. Чудовищными и монструозными для писателя являются не столько сами персонажи и поступки, ими совершаемые, какими бы дикими они бы ни выглядели на первый взгляд, сколько условия жизни, в которых живут эти люди, и в этом утверждении Мамлеев созвучен Достоевскому, а также Гоголю.

Необычность творческого метода Ю. Мамлеева, названного автором метафизическим и ставящим во главу угла сверхчувственное постижение бытия, выход мысли во внеэмпирическую реальность, является, на первый взгляд, антитрадицией в том смысле, что он порывает с классической интерпретацией человека в русской литературе.

Однако такой мотив, как стремление человека постичь себя через попытку выхода в некий трансцендентный мир, уже существует в русской литературе. Об этом же пишет сам Ю. Мамлеев в книге «Россия вечная», сопоставляя свои художественные коды с кодами Гоголя и Достоевского и утверждая, что для русской литературы становится общим приемом использование мотива соскальзывания главного героя в некую бездну, что порождает следующий общий мотив — ощущение катастрофичности жизни вообще и жизни маленького человека, в частности [Мамлеев, 2014].

«Шинель» Гоголя впервые ввела в художественный мир фигуру «маленького человека», направив русскую литературу в иное русло. Гоголь начинает, а Достоевский подхватывает и развивает эту линию: они отходят от пушкинской традиции, которой продолжают придерживаться Тургенев и Толстой, — изображения преимущественно дворянского круга с его исторически сложившимися лучшими качествами и развития определенного тематического круга мотивов, заложенного Пушкиным.

Достоевский, вслед за Гоголем, выводит на авансцену мелких чиновников и разночинцев, делая основной своей целью знакомство своих читателей с тем хаосом, который царит в головах его героев, с их желанием познать самое себя, сложностью и итогом их духовных переживаний, что в определенной степени можно назвать формированием антитрадиции русской классической литературы.

Критик XIX столетия Валериан Майков, рассуждая о преемственности традиций Гоголя в творчестве Достоевского, говорил о том, что Достоевский, вне всякого сомнения, продолжает линию, начатую Гоголем, хотя его (Достоевского) меньше чем кого бы то ни было можно назвать последователем Гоголя [Сочинения..., 1901]. Новая традиция, как ни парадоксально это звучит, заключается в антитрадиционном развитии схожих мотивов

и сюжетов и попытке Достоевского решить вопросы, поставленные Гоголем, посмотрев на них под другим углом зрения.

Такую же параллель мы сегодня можем провести между Гоголем, Достоевским и Мамлеевым. Легендарная фраза «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» в отношении прозы Ю. Мамлеева обретает новое звучание.

Ю. Тынянов, изучив стиль Гоголя и Достоевского, пришел к выводу, что Достоевский вторит Гоголю стилистически, используя большое количество гоголевских словечек [Тынянов, 1921]. Точно так же Мамлеев опирается на мир, созданный Достоевским, сюжетный и стилистический, и буквально прорастивает сквозь него свою собственную Вселенную, где на первое место также выходят вопросы о бессмертии человеческой души, идея существования Бога. Тем самым Мамлеев вторит мысли Достоевского о том, что «основной и самой высшей идеей человеческого бытия является необходимость убеждения человека в бессмертии. Высшая идея на земле лишь одна и именно — идея о бессмертии души человеческой» [Мамлеев, 2014].

5. Выводы

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать следующие выводы:

(1) Культурная традиция является стержнем, образующим и поддерживающим социально-историческую систему общества.

(2) Антитрадиция является оборотной стороной медали традиции. Но ошибочно полагать, что антитрадиция противостоит традиции в вопросе интерпретации тех или иных явлений. Напротив, оба концепта призваны решать те или иные вопросы с использованием собственных приемов и методов, но по факту воздействующих на одни и те же ментальные центры восприятия читателей.

(3) Творчество Мамлеева, несмотря на заявленную им новую трактовку русской идеи, продолжает традиции Гоголя и Достоевского. Вопросы, поставленные Мамлеевым, и пути их решения, представленные интерпретации философских систем следует рассматривать в русле принципов антитрадиции, создающей свой мир, отличный от традиционного, пробуждающий в читателе новые чувства и эмоции, но решающий вопросы, которые были поставлены еще Гоголем и Достоевским.

Источники

1. Мамлеев Ю. В. Конец века / Ю. В. Мамлеев. — Москва : Вагриус, 2003. — 207 с.
2. Мамлеев Ю. В. Россия вечная / Ю. В. Мамлеев. — Москва : Эксмо, 2014. — 512 с.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — Москва : Азбука, 2015. — 416 с.
2. *Библер В.* Культура. Диалог культур (Опыт определения) / В. Библер // Вопросы философии. — 1989. — № 6. — С. 31—42.
3. *Буслаев П.* Псевдолитургийность гипермаркетов [Электронный ресурс] / П. Буслаев // Русская народная линия. 14.02.2006. — Режим доступа : http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/02/14/psevdoliturgijnost_gipermarketov.
4. *Бэкон Ф.* Сочинения в 2 т. / Ф. Бэкон. — Москва : Мысль, 1971. — 1148 с.
5. *Гегель Г.* Сочинения в 14 тт. / Г. Гегель. — Москва, Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), 1935. — Т. 10. — 490 с.
6. *Гадамер Х.-Г.* Актуальность прекрасного / Г. Гадамер. — Москва : Искусство, 1991. — 368 с.
7. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — Москва : Прогресс, 1988. — 704 с.
8. *Заманская В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий / В. Заманская. — Москва : Флинта, 2002. — 304 с.
9. *Левада Ю.* Традиция / Ю. Левада // Философский энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1999. — Т. 8. — 840 с.
10. *Маркарян Э.* Узловые проблемы теории культурной традиции / Э. Маркарян // Советская этнография. — 1981. — № 2. — С. 60—88.
11. *Плахов В.* Традиции и общество / В. Плахов. — Москва : Мысль, 1982. — 220 с.
12. *Семыкина Р. Н.* Достоевский и Мамлеев : деконструкция и пересечение мотивов [Электронный ресурс] / Р. Н. Семыкина // Культура и текст. — 2005. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-i-mamleev-dekonstruktsiya-i-iresechenie-motivov>.
13. *Семыкина Р. Н.* Ф. М. Достоевский и Ю. В. Мамлеев : об изменении «лика человеческого» : метафизика превращений [Электронный ресурс] / Р. Н. Семыкина // Вестник Государственного Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. — 2008. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-i-yu-v-mamleev-ob-izmenenii-lika-chelovecheskogo-metafizika-prevrascheniy>.
14. *Сочинения В. Н. Майкова.* В 2 т. 2-е изд. — Киев : Б. К. Фукс, 1901. — Т. 1. Критические статьи. — 339 с.
15. *Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии) / Ю. Н. Тынянов. — Москва : ОПОЯЗ, 1921. — 21 с.
16. *Шацкий Е.* Утопия и традиции / Е. Шацкий. — Москва : Прогресс, 1990. — 456 с.
17. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. — 544 с.

Small Prose of Y. Mamleev: Tradition or Anti-tradition

© **Khoreva Larisa Georgievna (2018)**, orcid.org/0000-0002-3858-3091, PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Romance Philology, Faculty of History and Philology, Institute of Philology and History, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russia), novella2000@mail.ru.

The features of the interpretation of philosophical questions, traditional motifs and plots in the short prose of Yu. Mamleev are considered. The relevance of the study is due to the emergence of a large number of studies devoted to Y. Mamleev, but insufficient analysis of the nature of traditional and / or anti-traditional aspects in the writer's prose. An overview of the concepts of "cultural tradition" and "cultural anti-tradition" in the works of domestic and foreign researchers is offered. The author considers the concepts of "counter-tradition" and "anti-tradition", gives the definition of cultural studies, comes to the conclusion about a single genesis of tradition and anti-tradition, unlike tradition and counter-tradition. Reference to this material is the novelty of the study. The author comes to the conclusion that the work of Mamleev, despite the new interpretation of the Russian idea he declared, continues the traditions of Gogol and Dostoevsky. It is shown that the questions risen by Mamleev, and their solutions, as well as the presented interpretations of philosophical systems should be considered in line with the principles of anti-tradition, creating its own world, different from the traditional one, which awakens new feelings and emotions in the reader, but raises and solves questions that were raised by Gogol and Dostoevsky.

Keywords: small prose; Mamleev; Dostoevsky; Gogol; tradition; anti-tradition.

Material resources

Mamleyev, Yu. V. (2003). *Konets veka*. Moskva: Vagrius. (In Russ.).
Mamleyev, Yu. V. (2014). *Rossiya vechnaya*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).

References

- Bakhtin, M. M. (2015). *Problemy poetiki Dostoyevskogo*. Moskva: Azbuka. (In Russ.).
Bekon, F. (1971). *Sochineniya v 2 t*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
Bibler, V. (1989). Kultura. Dialog kultur (Opyt opredeleniya). *Voprosy filosofii*, 6: 31—42. (In Russ.).
Buslayev, P. (2006). Pseudoliturgiynost' gipermarketov. In: *Russkaya narodnaya liniya*. 14.02.2006. Available at: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/02/14/pseudoliturgiynost_gipermarketov. (In Russ.).
Eko, U. 2006. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu*. Sankt-Peterburg: Simpozium. (In Russ.).
Gadamer, Kh.-G. (1988). *Istina i metod*. Moskva: Progress. (In Russ.).
Gadamer, Kh.-G. (1991). *Aktualnost' prekrasnogo*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
Gegel', G. (1935). *Sochineniya v 14 tt., 10*. Moskva, Leningrad: Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomicheskoye izdatelstvo (Sotsekgiz). (In Russ.).
Levada, Yu. (1999). Traditsiya. In: *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*, 8. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).

- Markaryan E. (1981). Uzlovyye problemy teorii kulturnoy traditsii. *Sovetskaya etnografiya*, 2: 60—88. (In Russ.).
- Plakhov, V. (1982). *Traditsii i obshchestvo*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
- Semykina, R. N. (2005). Dostoyevskiy i Mamleyev: dekonstruktsiya i peresecheniye motivov. In: *Kultura i tekst*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoyevskiy-i-mamleev-dekonstruktsiya-i-peresechenie-motivov>. (In Russ.).
- Semykina, R. N. (2008). F. M. Dostoyevskiy i Yu. V. Mamleyev: ob izmenenii «lika chelovecheskogo»: metafizika prevrashcheniy. *Vestnik Gosudarstvennogo Leningradskogo universiteta im. A. S. Pushkina*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoyevskiy-i-yu-v-mamleev-ob-izmenenii-lika-chelovecheskogo-metafizika-prevrascheniy>. (In Russ.).
- Shatskiy, E. (1990). *Utopiya i traditsii*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Sochineniya V. N. Maykova. V 2 t., 1. Kriticheskiye stati* (1901). Kiyev: B. K. Fuks. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1921). *Dostoyevskiy i Gogol' (k teorii parodii)*. Moskva: OPOYaZ. (In Russ.).
- Zamanskaya, V. (2002). *Ekzistentsialnaya traditsiya v russkoy literature XX veka. Dialogi na granitsakh stoletiy*. Moskva: Flinta. (In Russ.).